

HARLEQUIN®

096

Маргерит Кэй

БОЛЬСТИТЕЛЬНАЯ
ЛЕДИ КОНСТАНС

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Маргерит Кэй

Обольстительная леди Констанс

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Кэй М.

Обольстительная леди Констанс / М. Кэй — «Центрполиграф»,
2016 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08456-9

Леди Констанс Монтгомери – умная и самостоятельная девушка, которая увлекается астрономией. Уступая просьбам родителей, Констанс соглашается выйти замуж за состоятельного человека и отправляется к жениху в Бомбей. Пережив кораблекрушение, она оказывается в эмирате Маримон, управляемом молодым, европейски образованным принцем Кадаром. Между правителем экзотического королевства и английской леди вспыхивает страстный роман, чему способствует тайна, тщательно оберегаемая принцем. Он тоже не свободен, помолвлен с принцессой из соседнего эмирата, и вскоре должна состояться свадьба. Сумеют ли влюбленные преодолеть гнет вековых традиций? Окажется ли любовь сильнее предубеждений?

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08456-9

© Кэй М., 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Маргерит Кэй

Обольстительная леди Констанс

Marguerite Kaye
Sheikh's Mail-Order Bride

© 2016 by Marguerite Kaye

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

* * *

Глава 1

Эмират Маримон, Аравия, май 1815 г.

Его путешествие близилось к концу. Скромный караван состоял из верблюда, на котором сидел он сам, и двух вьючных мулов. Караван двигался по широкой долине, среди самых больших оазисов Маримона. По обе стороны тянулись поля и сады, укрытые от палящего зноя пустыни сомкнутыми рядами фиговых пальм, усыпанных созревающими плодами. Дополнительную тень отбрасывали скалистые Маримонские горы, в закатных лучах на скалах сверкали золотые и янтарные блески.

Городок в оазисе был построен у подножия гор; домики с плоскими крышами лепились друг к другу – каждый драгоценный клочок ровной земли оставляли для возделывания. Ветерок принес восхитительный аромат жареной козлятины и тихий гул голосов. Маловероятно, что местные жители его узнают. Семь лет его добровольного изгнания закончились совсем недавно. К тому же сейчас Маримон погрузился в глубокий траур. Однако он все равно старался не смотреть встречным в лицо. Обойдя городок, он повел свой маленький караван к последнему перевалу, который ему предстояло преодолеть. Куфия закрывала лицо, оставляя открытыми только глаза. Брат ни за что не согласился бы путешествовать так скромно. Бутрус ехал бы во всем царственном великолепии во главе каравана огромных размеров. Он любил, когда подданные отдавали должное своему правителю, любовались им и почитали его, грелись в жарких лучах его могущественной персоны. Но Бутрус умер. Теперь правитель Маримона он, Кадар. Показная роскошь давалась ему нелегко, хотя он все больше сознавал, что его личные взгляды нередко отличаются от взглядов его подданных и их ожиданий.

Кадар правил всего три месяца и с каждым днем все больше понимал, как тяжела неожиданно свалившаяся на него ответственность. Он не готовился к такому будущему; если бы не неожиданный поворот судьбы, он по-прежнему жил бы так, как хотелось ему. Он вернулся из своей добровольной ссылки, чтобы присутствовать на свадьбе брата в качестве почетного гостя. А вместо этого попал на его похороны. Теперь владения Кадара уже не ограничивались дворцовой библиотекой, к которой он привык, потому что в детстве и отрочестве, можно сказать, жил там. Теперь он повелевает всем, пусть и небольшим, государством. Теперь его подданные – люди, а не книги. И место его – на троне, а не в библиотеке, среди пыльных томов.

Выехав из ущелья на плато, Кадар остановил верблюда. Прямо под ними находились маримонский дворец, широкая площадь, уже освещенная фонарями. Фонари развесили на пальмах, стоявших, словно часовые, стройными рядами у входа во дворец. Освещена была и извилистая горная тропа, спускавшаяся с перевала в порт. Фонари мигали в быстро гаснущем свете дня, как звезды. А еще дальше виднелись знакомая гавань, а за ней – широкий простор Аравийского моря.

На горизонте садилось солнце; золотая сфера окрашивала небо ярко-красными, алыми, оранжевыми и бледно-розовыми полосами. Ритмичный плеск волн о берег напоминал тихую колыбельную. За границей Кадар больше всего скучал по морю. Ни одно другое море не было таким ярко-синим, не напитывало воздух уникальным сочетанием ароматов соли и жара.

Кадар вздохнул полной грудью. Относительно короткое путешествие в соседнюю страну, которое он только что совершил, стало его первым государственным визитом. Поездка безвозвратно изменила его; он заставлял себя смириться с тем, что его стремления и желания отныне играют не главную роль. Точнее, к такому выводу его заставила прийти не сама поездка, а ее цель. Теперь он в первую очередь правитель и только во вторую – человек. Он обязан принять нежеланное наследство: ему предстоит жениться на совершенно неизвестной женщине, которая досталась ему в невесты, – невесте брата. Против такого шага восставали все его чув-

ства. Отголоски прошлого, мрачные, болезненные воспоминания, убегая от которых он проехал полсвета, по-прежнему обладали властью над ним, задевали определенные струны в его душе. Мысли о женитьбе на нелюбимой были невыносимы. Однако он должен жениться... и женится.

Он не должен сравнивать прошлое и настоящее. Нельзя думать о сходстве, лучше сосредоточиться на различиях. Во-первых, принцесса недвусмысленно продемонстрировала ему свое безразличие. Надо сказать, что он разделял ее чувство, хотя его невеста оказалась настоящей красавицей. Взаимное равнодушие все упрощает. Им обоим нет нужды притворяться. Ему не придется изъяснять те чувства, на которые он не способен, – ни сейчас, ни в будущем. Подобные мысли должны были принести облегчение, но отчего-то легче не становилось. Кадар по-прежнему пытался примириться со своим брачным контрактом без любви. Он должен крепиться. Необходимо помнить: этот брак нужен его народу, его стране. Он должен жениться на принцессе Тахире, чтобы почтить память брата, воплотить в жизнь мечту брата о новой королевской династии и подобающем наследнике. Не в последнюю очередь большую роль для Маримона играет огромное приданое. С помощью денег Ка-дар преобразит Маримон, перенесет страну в девятнадцатый век, осуществит свои мечты, связанные с будущим подданных. Да, нужно думать о будущем. Он пойдет на огромную личную жертву, однако такая жертва необходима.

Аравийское море – тремя неделями ранее

Шторм надвигался на них уже довольно давно. Леди Констанс Монтомгери стояла на палубе «Кента», парусного торгового корабля Ост-Индской компании, и смотрела, как на горизонте скапливаются серые тучи. Они напоминали валы, которые надвигались на корабль словно по чьей-то подсказке.

Они провели в море девять недель. По словам капитана Кобба, до места назначения – Бомбея – они доберутся еще через три недели. Всего через три недели Констанс впервые увидит богатого торговца, своего будущего мужа. Как бы она ни старалась, всякий раз, когда она вспоминала, из-за чего плывет на другой конец света, ее начинало подташнивать. Констанс выходит замуж из чувства долга...

Она упорно противилась браку, который устраивал всех, кроме нее. Она приводила разумные доводы. Она предлагала множество других выходов. Даже, к стыду своему, шантажировала родителей слезами. Но после того, как все ее замыслы потерпели крах, когда стало ясно, что решение принято, она смирилась с судьбой. В Плимуте, поднимаясь на борт «Кента», она чувствовала себя так, будто прыгает со скалы, зажмурившись, чтобы не видеть, как стремительно приближается земля, о которую она скоро разобьется. Констанс смотрела в будущее с ужасом. Такой брак – как, впрочем, и любой брак – шел вразрез со всеми ее склонностями... Однако дело сделано, контракт подписан. Свою будущую семейную жизнь она мысленно называла сделкой, деловой операцией. Мистер Гилмор Эджбестон уже перевел на папин счет заоблачную сумму, предназначенную для выкупа имений. Купленный им товар, в виде Констанс, следует в противоположном направлении. «И нет смысла спорить с судьбой, – решительно твердил себе самый ценный груз на торговом судне. – Единственное, что можно сделать, – постараться использовать сложившуюся ситуацию наилучшим образом».

Перед отплытием она убеждала себя, что подобная развязка будет превосходна, к тому же вполне достижима. Но раньше Констанс поддерживали радостные улыбки мамы и заверения, что дочь поступает как надо. Очувтившись очень далеко от дома, в одиночестве, располагая свободным временем, когда можно было обдумать свое положение, она уже не была так уверена в маминой правоте. Ее рассуждения основывались на том, что деньги – корень всех зол и источник всего счастья. Справедливости ради надо заметить, что Констанс и раньше не

слишком-то верила в подобные сентенции. У нее просто не оставалось другого выхода, она притворялась, будто верит, потому что папа не дал маме другого выбора. Вот почему мама вынуждена была просить дочь пойти на жертву. Констанс испытывала боль.

В очередной раз она поймала себя на том, что стоит в любимом месте на палубе, смотрит в пространство и думает о будущем.

«Мне следует решить, как добиться того, чтобы моя семейная жизнь не превратилась в пожизненное заточение в тюрьме», – сурово сказала она себе. Сердце у нее упало. Она не хотела представлять, что ее ждет. Нет смысла искать светлые стороны в чем-то настолько мрачном. Впереди у нее еще три недели плавания. Три последние недели свободы, еще три недели, когда она может наслаждаться сказочным зрелищем, разглядывая звезды, – «Кент» шел под незнакомым небом, они пересекли экватор, очутившись в Южном полушарии. Вскоре они еще раз пересекут экватор и вернуться в Северное полушарие.

Конечно, именно сегодня было бы трудно разглядеть в телескоп что-нибудь интересное, подумала Констанс. Облака сливались в одну плотную массу. По краям масса была цвета потускневшего олова, а посередине – темно-серого. Матросы сновали по палубе, готовясь к буре. Прежде спокойное синее Аравийское море, где на волнах плясали светлые, как облака, барашки, постепенно превращалось в бурлящий котел, в пенящуюся массу, которая готова была поднять «Кент» высоко над горизонтом, а в следующий миг швырнуть его в пучину.

Констанс встала у грот-мачты, и все равно брызги попадали ей на лицо и дорожное платье. Над ней, ужасающе высоко на марсе стоял марсовый и отчаянно жестикулировал, подавая знаки экипажу.

– Спускайтесь-ка лучше в каюту, ваша светлость, – посоветовал ей один из офицеров, пробегая мимо. – Мы направляемся в укрытие, к берегу, но не уверен, что нам удастся обогнать шторм.

Корабль опять нырнул вниз. Мачта над головой Констанс угрожающе закричала. Босые матросы бегали по мокрой палубе, спеша вывести огромный трехмачтовый корабль в более спокойные воды. Матросам помогали военные, солдаты Тридцать первого пехотного полка, которые направлялись к месту службы в Индию. Из гражданских лиц на палубе осталась одна Констанс. Жены и дети военных и еще двадцать пассажиров сидели в каютах, в тепле и сухости. В их числе была и миссис Пикок, жена торговца тканями, едущая к мужу, которой папа заплатил за то, чтобы она в пути была компаньонкой Констанс и охраняла драгоценную репутацию дочери.

Может быть, лучше действительно присоединиться к остальным? На палубе стало опасно, но вместе с тем и невероятно весело. Веяло настоящей свободой. Констанс нашла место понадежнее под грот-мачтой и встала так, чтобы не мешать экипажу – и чтобы ее почти не было видно. Брызги соленой морской воды обжигали ей кожу. Волосы выбились из прически, хлестали ее по щекам, закрывали глаза. Ветер усилился; он ревел и свистел. Скрипели снасти, хлопали паруса. Корабль словно выражал буре протест.

Брызги превратились в густой туман; сквозь него Констанс различала лишь туманные очертания спящих по палубе матросов. «Кент» резко накренился на левый борт, и ее выбросило из укрытия; она заскользила по мокрой палубе. В последний миг она ухватилась за канат. На палубу обрушилась настоящая стена воды. Вцепившись в канат, Констанс озиралась по сторонам. Матросы тоже скользили и падали. Корабль снова накренился – теперь на правый борт. Кричали матросы; в их голосах отчетливо слышался страх. Внизу визжали женщины.

В следующий раз, когда «Кент» накренился влево, опасно близко к воде, Констанс решила, что они перевернутся. Каким-то чудом судно выпрямилось, но почти сразу же затрещала бизань-мачта. На палубе начался хаос. Крики. Треск рвущегося холста. Грохот падающих обломков. Грубые, отчаянные возгласы матросов, которые пытались спасти корабль, пассажиров и себя. Торопливое шлепанье босых ног по палубе. И над всем – рев и грохот моря,

доказывавшего свое превосходство. Пошатываясь, как пьяный, корабль летел к берегу, в более спокойные воды. Женщины и дети, солдаты и матросы высыпали на верхнюю палубу; они карабкались снизу и льнули к остаткам упавшей мачты, к снастям, к порванным парусам, друг к другу.

Констанс, прижатая к фок-мачте, тщетно пыталась освободить юбки, запутавшиеся в канатах. Своих попутчиков она видела сквозь завесу брызг. Она оцепенела от страха. Внутри осталось лишь одно желание: жить. Решимость придавала ей сил – доказательство того, что ее дух не был ни сломлен, ни приручен.

Она не позволит себе погибнуть! Она крепче вцепилась в мачту; корабль то взмывал вверх, то падал вниз, его крутило и кренило во все стороны. Даже крепкий желудок Констанс не выдержал такого издевательства. Наконец впереди показалась земля, а с ней – обещание безопасности. Шторм либо выдохся, либо остался позади.

Она чуть ослабила хватку, как вдруг переломилась грот-мачта, увлекая за собой фок-мачту. «Кент» лег на правый борт. Констанс выбросило в воду. Перед тем как она упала в море, ее швырнуло высоко в воздух.

Эмират Маримон, Аравия

В отдаленной рыбацкой деревушке она провела около трех недель. Наконец за ней приехали представители местных властей. Констанс наблюдала за ними с берега: большое судно-дау вошло в бухту, служившую гаванью для местных рыболовецких лодок. Узкий корпус блестел от лака и позолоты; на корме имелась закрытая каюта, крыша которой служила верхней палубой. Она тоже была защищена от солнца и непогоды навесом. Над палубой развевался треугольный парус алого цвета.

Деревенские жители толпились вокруг нее. Констанс не хотелось уезжать, но она понимала, что остаться здесь и вести тихую жизнь невозможно. Шторм унес ее обязанности лишь на время, страшное будущее по-прежнему маячило на горизонте. Узкий изящный корабль призван вернуть ее...

Башир, деревенский староста, в чьем доме она жила, церемонно поклонился какому-то важному старику, по виду чиновнику, который сошел на берег, не дожидаясь швартовки. Чиновник был высоким и худым; пронизательные светло-карие глаза смотрели из-под пышных кустистых бровей. Аккуратная бородка была заострена книзу. Констанс обратила внимание на его костлявые холеные пальцы и болезненное выражение узкого лица, не сочетавшееся с пышными одеждами. Поморщившись, старик театральным жестом развернул свиток пергамента.

– Леди Констанс Монтгомери?

Хотя он произнес ее имя с сильным акцентом, она поняла, что он имеет в виду именно ее. С упавшим сердцем Констанс неуклюже сделала реверанс. Снова заныла рана на голове – жена старосты лишь сегодня утром сняла с нее повязку.

– Добро пожаловать в Маримон. Вы поедете со мной!

Он не спрашивал, а приказывал. Констанс хватило времени только на то, чтобы быстро и сердечно попрощаться, чиновник же отвел Башира в сторону. Через несколько минут она схватила старосту за руки, постаралась как можно лучше выразить глубокую благодарность – и ей помогли подняться на судно.

Констанс сразу же прошла в каюту. Когда подняли парус, ее охватил беспричинный страх. Она понимала, что ведет себя глупо: море было гладким, как стекло, небо над головой голубое, без единого облачка, дул лишь легкий ветерок. И все же, стоило ей ступить босыми ногами на палубу и ощутить, как корабль слегка накренился, она покрылась липкой испариной. Она снова услышала грохот волн, треск мачт и крики пассажиров «Кента». К счастью, чиновник,

который сопровождал ее, не докучал ей своим обществом – то ли из соображений приличия, то ли просто потому, что ее присутствие на борту его оскорбляло.

Когда они вошли в порт, солнце уже садилось. Констанс с трудом спустилась на берег и села в крытый паланкин, радуясь, что наконец очутилась на суше. Носильщики быстро понесли ее вперед. Она закрыла глаза и попыталась взять себя в руки. Наконец, носилки поставили на огромном закрытом дворе, освещенном светом тысячи свечей. Старик, который привез ее сюда, уже манил к себе. У нее не оставалось другого выхода: пришлось следовать за ним.

Она брела следом за чиновником по гладким, полированным мраморным полам по бесконечным коридорам. Констанс понимала, что выглядит не самым лучшим образом: кожа обгорела на солнце, рана на лбу напоминала клеймо, босые ноги и грубая бурая рубаха, такая широкая, что в ней уместились бы две такие девушки, как она.

Когда они подошли к внушительным двойным дверям, охраняемым огромным стражником с длинной саблей, Констанс вдруг осознала всю странность своего положения. Она оказалась в чужой стране, совершенно одна, и всецело должна полагаться на милость того, кто находится по ту сторону двери. Что с капитаном Коббом? Наверное, она – не единственная выжившая после крушения. Слишком ужасно думать о том, что шестьсот душ погибли, а она каким-то чудом спаслась. Интересно, кто ее примет? А вдруг гаремный евнух? Краска отхлынула у нее от лица.

Глава 2

Констанс очутилась в огромном помещении со сводчатым потолком, вниз свисали три внушительные мерцающие люстры. В дверях рядом с ней стояли на страже две одинаковые статуи – какие-то мифологические саблезубые звери семейства кошачьих, которые выглядели так, словно вот-вот набросятся и сожрут ее. Она содрогнулась.

В противоположном конце зала стоял человек; он смотрел в высокое окно, за которым сгушался мрак. Незнакомец был с головы до ног одет в белый шелк; его халат был расшит золотыми нитями. На обруче, удерживавшем его головной убор, сверкали бриллианты. Он был высокий и стройный, однако широкие плечи намекали на скрытую силу.

– Леди Констанс Монтгомери, – объявил чиновник с сильным акцентом и слегка подтолкнул ее в спину. – Его царственное высочество Кадар, наследный принц Маримона.

За ней с глухим стуком закрылись тяжелые деревянные двери. Принц развернулся, и сердце у Констанс екнуло, во рту пересохло, а мышцы внизу живота сжались в порыве желания, заставшего ее совершенно врасплох.

Правитель Маримона оказался молодым – на вид ему можно было дать не больше тридцати лет. Высокий лоб, длинное лицо, крупный нос. Суровое лицо нельзя было назвать красивым в обычном смысле слова. К тому же он стоял с неприступным выражением. Царственный наряд лишь подчеркивал его природную властность. Все указывало на то, что перед ней правитель: и его осанка, и надменный вид, но особенно выразительные глаза – миндалевидные, широко расставленные. Как и все мужчины в этой стране, правитель Маримона носил бороду, но его борода была очень короткой и напоминала слегка отросшую щетину. Она лишь подчеркивала гладкие скулы и чувственный изгиб губ. Констанс показалось, что она вся горит под грубой рубахой: ее обдало жаром. Такие губы просто греховны!

– Леди Констанс.

Она вздрогнула и низко присела, ругая себя за то, что глазела на принца, как голодная волчица. Опустив глаза, она стала смотреть на его ноги. Принц Кадар направился к ней. Его походка отличалась гибкой грацией. Полы длинного халата развевались, открывая черные домашние туфли, расшитые золотом. Констанс подняла глаза, увидела узкие бедра и поняла, что на них тоже лучше не смотреть. Тонкая талия была схвачена поясом с золотым тиснением.

– Прошу вас, встаньте.

От его хрипловатого голоса у нее по спине пробежал холодок. «Ради всего святого, Констанс, соберись!» – приказала она себе. Рука, которую он протянул, была тонкой, пальцы гибкие, как у художника. На ощупь его рука оказалась прохладной. Она со стыдом поняла, что ее ладони липкие, а кожа, скорее всего, огрубела от соли и солнца.

Однако состояние кожи на руках было пустяком по сравнению с растрепанными, спутанными, как воронье гнездо, волосами, длинной рубахой, похожей на мешок, и босыми ногами. Она почувствовала себя Золушкой из сказки Перро. Жаль, что у этого принца нет туфелек, которые он мог бы надеть на нее... Она поспешно поджала пальцы ног, убирая их под рубаху.

– Ваше высочество, вы оказали мне большую честь... – прошептала Констанс.

– Учитывая обстоятельства, не могу назвать благополучным ваше прибытие в Маримон. Тем не менее надеюсь, вы позволите мне приветствовать вас в моих владениях.

– Ах, как вы хорошо говорите по-английски! – воскликнула она, от удивления забыв о правилах приличия.

– Благодарю вас. Мой наставник был бы очень рад, если бы услышал ваши слова.

Она густо покраснела, уловив в его ответе легкую иронию.

– Меня удивляет вовсе не то, что вы говорите на моем языке. Знакомство с вами, ваше высочество, для меня большое удовольствие и большая честь!

– Боюсь, ваши чувства изменятся, когда вы услышите то, что я должен сказать. Прошу вас, садитесь!

Зал оказался еще больше, чем она думала, когда вошла сюда. Громадные люстры оказались не единственным украшением; все стены были покрыты изразцами: ряд за рядом ярких золотых и терракотовых плиток, разделенных панелями в стиле рококо, покрытыми искусной резьбой. У самой дальней стены стояло нечто похожее на широкую кровать с балдахином; Констанс решила, что там, должно быть, находится трон правителя. Хотя пол перед троном устилали толстые шелковые ковры, в зале не было больше ни одного сиденья, подушки или стула.

Похоже, принц Кадар понял это одновременно с Констанс.

– Простите, – сокрушенно воскликнул он. – Зал приемов создан для устрашения гостей, а не для их удобства. Я совсем позабыл!

– Позабыли?

– Прежде мне довелось побывать здесь лишь однажды. Когда я приносил обеты.

– Обеты, – машинально повторила Констанс, гадая, не отупела ли она. – А, понимаю. В этом зале устраивают королевские свадьбы?

– Я не женат. – В его глазах на миг мелькнуло что-то – боль? горе? сожаление? Все произошло так быстро, что Констанс решила: показалось. – Торжественные обеты, которые я приносил, когда стал правителем, – пояснил принц.

– А, вы имеете в виду коронацию!

Принц снова качнул головой:

– Нет, церемонию коронации отложили до окончания траура по моему старшему брату, который неожиданно скончался три месяца назад.

– Простите, мне так жаль! Как ужасно... Примите мои самые искренние соболезнования. – Она потянулась к нему, желая выразить сочувствие. – Вы... с братом были близки?

Он так долго не отвечал, что она решила: он ее не расслышал. А может быть, недоволен тем, что она снова нарушает протокол.

– Последние семь лет я прожил за границей.

Он не ответил на вопрос, но, судя по ледяному выражению лица, продолжать разговор на эту тему он не собирался. Когда принц повернулся к ней спиной, Констанс испугалась. Она его оскорбила! Аудиенция окончена, даже не начавшись, а она так ничего и не узнала о своей судьбе.

– Прошу вас, ваше высочество, если бы можно было...

– Сейчас. – Он протянул руку, призывая ее замолчать.

На троне, диване – в общем, на массивном сооружении, которое там стояло, – лежала гора алых подушек с золотыми кистями. Принц Кадар начал сбрасывать их на пол.

– Вот, – сказал он, когда трон обнажился, а на полу очутилось две груды подушек, – теперь мы оба можем расположиться с комфортом.

Он одним движением сел, скрестив ноги, – она и мечтать не могла о такой грации! Затем жестом пригласил ее последовать его примеру. Путаясь в складках широченной рубахи, Констанс кое-как села. Принц снял с головы куфию вместе с обручем, украшенным бриллиантами, и небрежно положил на сиденье трона. Волосы у него были черные, шелковистые, на затылке они слегка завивались. Завитки не сочетались с суровым выражением лица, но усиливали его привлекательность. Правитель Маримона был настоящим красавцем!

– Так что вы хотели узнать?

– Что? – спросила Констанс, не сводившая с него взгляда. Опомнившись, она покраснела. – То есть... прошу прощения. – Она отбросила со лба спутанные волосы. – То есть, да, я действительно хотела спросить... о других пассажирах «Кента», об экипаже, о капитане Коббе. Не может быть, чтобы из всех выжила только я.

– Конечно. – Принц Кадар положил подбородок на сцепленные пальцы.

О чем он думает? Констанс поерзала на подушках. Почему он молчит?

– Ваше высочество...

– Нет. – Принц помолчал. – Вы в нетерпении. Простите, положение несколько... необычное. Я пытаюсь придумать, как лучше все объяснить.

– Предпочитаю чистую правду.

Ее замечание вызвало его пристальный взгляд. Оценивающий – да, именно так будет точнее.

Принц Кадар улыбнулся:

– А знаете, я нахожу вас... интересной.

Она не восприняла его слова за комплимент и все же вспыхнула.

– Знаете, – не думая, выпалила она, – я тоже нахожу вас интересным. – «Ну можно ли придумать что-нибудь глупее!» – То есть... я еще никогда не была знакома с принцем. – «Или безумнее». Погрустнев, она неловко улыбнулась. – В последнее время я действительно получила большой опыт в том, как справляться с обстоятельствами, если вы опасаетесь, что я закачу истерику, услышав то, что вы собираетесь мне сказать.

– После того что вам пришлось пережить, удивлен, что вы сохранили хоть какое-то самообладание, – возразил принц. – Ваша выдержка достойна восхищения.

– Нет, совсем нет. Поверьте, под моим пышным нарядом, – пошутила Констанс, – кстати, кроме него, у меня ничего нет – я дрожу, как желе.

Она не сразу поняла, что сказала двусмысленность. Он едва заметно покраснел и посмотрел на вырез ее рубахи. Ее слова его смутили. Констанс тоже смутилась, но решила не извиняться, вовремя сообразив, что лишь все ухудшит. Она велела себе поменьше болтать. Перестать суетиться. И не глазеть на принца.

– Итак, о крушении «Кента», – объявил наконец принц Кадар. – Во-первых, позвольте принести вам мои извинения. В тот день, когда корабль затонул, я уезжал из страны по государственным делам. Лишь после возвращения я смог уделить время последствиям кораблекрушения. К сожалению, весть о том, что вы выжили, лишь вчера была доставлена во дворец. И я сразу же начал действовать.

– Да, присланный вами чиновник действовал поистине молниеносно, – ответила Констанс, – хотя не скрою, вторая поездка по морю оказалась для меня более суровым испытанием, чем я думала. Боюсь, я больше не могу похвастать тем, что прекрасно переношу качку... Еще я жалею, что не смогла как следует отблагодарить Башира, деревенского старосту. Он и его близкие очень хорошо заботились обо мне.

– Не стоит беспокоиться. Я велел моему главному визирю позаботиться о том, чтобы жителей деревни достойно наградили. Не сомневаюсь, Абдул-Меджид сказал и сделал все, что нужно. Он самый... самый верный и преданный слуга нашей семьи.

Если Констанс что-то понимала в физиогномике, названный принцем Абдул-Меджид, несмотря на все свои достоинства, не является близким другом Кадара.

– Главный визирь, – повторила Констанс. – Значит, помимо него, у вас есть много других визирей?

– Очень много – и все они охотно дают мне советы и делятся своими мнениями. Правда, их мнения редко совпадают с моим – в этом я совершенно уверен.

Последние слова он произнес с некоторым нажимом – и, судя по всему, пожалел о вырвавшихся у него неосторожных словах. Как Констанс ни хотелось – а ей очень хотелось – продолжить разговор на такую интересную тему, она решила не рисковать, боясь, что принц снова спрячется в скорлупу высокомерия.

– Итак, – продолжал он, – во-первых, с прискорбием должен сообщить, что не обошлось без погибших. Их оказалось двадцать семь – точнее, двадцать шесть, после того как мы узнали, что вы не входите в их число. Капитану удалось подойти достаточно близко к нашему берегу.

Подавляющее большинство людей с «Кента» были выловлены из воды экипажами наших рыболовецких судов. Они же достали тела погибших... Только вас течением унесло далеко от нашего главного порта. Кусок сломанной мачты, за которую вы держались, когда вас нашли, судя по всему, спас вам жизнь.

– Капитан Кобб находится среди выживших?

– Да, именно от него мы и узнали о вас. Ваше имя, место, где вы сели на корабль, куда вы направлялись, имя вашей компаньонки... К сожалению, леди Констанс, вынужден вам сообщить: она попала в число погибших. Прошу, примите мои соболезнования.

– О боже! Простите... – Констанс вытерла глаза рукавом рубахи. – Миссис Пикок возвращалась в Индию к мужу. Мой отец заплатил ей за то, чтобы она была моей компаньонкой в пути – ведь незамужняя девушка не может путешествовать в одиночку, это неприлично.

– Значит, ваш отец в Лондоне, а не в Бомбее?

– Мои родители живут в Англии. Почему вы спрашиваете?

Принц Кадар посерьезнел.

– Полный отчет о судьбе «Кента», грузов, пассажиров и экипажа уже выслан вашему генеральному консулу в Каир. Не знаю, скоро ли известие о судьбе «Кента» достигнет Англии. Боюсь, это произойдет до того, как мы сумеем переслать дополнение.

– К-какое дополнение?

– Леди Констанс, в моем отчете вы находитесь в списке пропавших без вести, предположительно погибших. К тому времени, как составлялся отчет, вас еще не нашли. К сожалению, после крушения прошло немало времени, и все решили, что вы погибли...

Констанс в ужасе посмотрела на него:

– Значит, маме сообщат, что я утонула?

– Боюсь, что так. То же самое сообщат тем, кто придет вас встречать в Бомбее, – ответил принц, мрачней. – Позвольте спросить, леди Констанс, почему вы оказались на борту «Кента»? Корабли Ост-Индской компании обычно сильно изношены. Неужели ваши родители не понимали степень риска, когда договаривались о вашем отбытии на Восток?

– Их заверили, что я в надежных руках, поскольку у капитана Кобба огромный опыт; он один из лучших капитанов во всей флотилии и... судя по всему, он подтвердил свою репутацию, раз при крушении погибли всего двадцать шесть из шестисот человек.

– Кто заверил ваших родителей в надежности корабля?

– Человек, который устроил мое путешествие, – он, как крупный акционер, прекрасно осведомлен о положении дел.

– Вы хотите сказать, что вашу поездку устроил какой-нибудь сотрудник Ост-Индской компании?

– Да. Мистер Гилмор Эджбестон.

– Он ваш родственник?

– Не совсем. Мы с мистером Эджбестоном... Мы с ним... Собственно говоря, я плыла в Индию, чтобы выйти замуж за мистера Эджбестона, – еле слышно призналась Констанс. – А теперь моему жениху сообщат, что его невеста утонула. – Она подавила истерический смех. – Вы и представить себе не можете, ваше высочество, как все было бы кстати, окажись это правдой.

Совершенно не понимая, как отнестись к ее последним словам, Кадар смотрел на англичанку в полном недоумении. Когда он впервые увидел ее имя в списке погибших, леди Констанс Монтгомери представлялась ему добропорядочной матроной среднего возраста. Теперь он понял, как заблуждался. У этой девушки стройная фигурка. Блестящие каштановые волосы ниспадают на плечи беспорядочными волнами. На круглом лице выделяются чувственные губы, которые не сочетаются с довольно резко очерченными бровями. Из-под длинных ресниц

на него смотрят широко расставленные карие глаза. Неожиданно – и совершенно некстати – принц Кадар понял, что не может отвести от нее взгляда.

– Неужели вы жалеете о том, что не умерли? – спросил он, гадая, не повредился ли ее разум от удара по голове.

Она медленно покачала головой:

– Нет, разумеется, я говорю не буквально, только... вряд ли вы меня поймете. Вы принц и, наверное, привыкли жить так, как вам хочется, но...

– Вы ошибаетесь, – пылко перебил ее Кадар. – Я пользовался гораздо большей свободой, когда не был правителем.

– Вот как?

Она смотрела на него с любопытством. Ему, как ни странно, очень захотелось объяснить, что, естественно, было нелепо. Вместо этого он неожиданно для себя задумался, глядя на босые ноги леди Констанс. Крошечные пальчики торчали из-под подола длинной рубахи. Нет, не следует глазеть на ее пальцы, какими бы крошечными они ни были!

– Вы начали рассказывать, почему жалеете, что не утонули.

– Я как раз говорила, что на самом деле вовсе не жалею... Только о том, что... Нет, сейчас все звучит глупо. Жаль, что я не могу по-прежнему считаться пропавшей без вести. Это значило бы, что я по-прежнему свободна, так сказать. – Она дернула плечом. – Наш брак устроили родители. Я никогда в жизни не видела мистера Эджбестона и почти ничего о нем не знаю, кроме его имени и возраста. Покидая Англию, я думала, что смирилась со своим положением, но передо мной было целое морское путешествие для того, чтобы... передумать.

– Прекрасно вас понимаю, – с чувством ответил Кадар. – Очень жаль, что вас вынуждают выйти замуж за человека, которого вы никогда не видели. Вас отправили на край света, разлучив со всеми друзьями, с родными. Просто возмутительно!

– После ваших слов мне действительно кажется, что лучше было бы умереть.

– Прошу прощения, я не хотел вас расстроить. Я просто... – Кадар не договорил и покачал головой. – Мои слова вырвались случайно, – с трудом продолжал он. – Я не имею никакого права высказывать свое мнение о вашей личной жизни.

Как и выражать свои чувства по данному вопросу. Он принц. Сколько раз он должен напоминать себе об этом? Совершенно не важно, что привело сюда леди Констанс Монтгомери. У него хватает своих неприятностей. Как он ни сочувствует девушке с ясными глазами и лукавой улыбкой, со спутанными вьющимися волосами и крошечными пальчиками на ногах, он не должен лезть в ее семейные дела. Ее помолвка – ее личное дело. Подавляющее большинство браков в высших кругах общества устраивают родители – как в Англии, так и здесь, в Аравии. Сейчас важно другое: как можно скорее сообщить всем заинтересованным сторонам о ее неожиданном воскрешении.

– Теперь вопрос заключается в том, – сказал Кадар, – как нам лучше поступить.

– Здесь нечего обсуждать, – ровным тоном ответила она. – Я тоже разоткровенничалась некстати. Теперь, когда я воскресла из мертвых, нужно придумать, как возобновить путь в Индию.

– Леди Констанс, боюсь, вы не до конца поняли последствия того, о чем я вам только что рассказал, – произнес Кадар. – Человеку, с которым вы помолвлены, сообщат о вашей гибели. Кроме того, я послал официальное письмо генеральному консулу в Каире; рано или поздно вашим родителям также сообщат о том, что вы утонули. Простите за прямоту, но вы сами сказали...

– Да. Я сказала, что мне нужна правда. – Констанс поморщилась. – Не ожидала, что она окажется настолько жестокой, но, в сущности, это ничего не меняет, если не считать того, что теперь я еще быстрее должна добраться до цели назначения. Не желаю, чтобы мистер Эджбестон заменил меня другой невестой.

Кадар медленно кивнул:

– Что ж, хорошо. В таком случае мне придется навести справки, но должен вас предупредить: следующий корабль, который отправляется в Бомбей, прибудет в наш порт не ранее чем через два месяца.

– Через два месяца! – Леди Констанс побледнела. – Значит, в Бомбей я попаду не раньше чем через три месяца?! А мистер Эджбестон все это время будет считать меня погибшей?!

– Вы можете вернуться к родителям в Англию. Учитывая обстоятельства, то, что вы перенесли, ни один разумный человек не упрекнет вас в подобном желании.

– К сожалению, моего отца нельзя назвать разумным человеком; он, скорее всего, во всем обвинит меня, – парировала она, раскрасневшись. – Прошу прощения, мне не следовало... но о моем возвращении в Англию и речи быть не может. Я не должна была делиться с вами моими сомнениями. Я обязана выйти замуж за мистера Эджбестона, ваше высочество. Видите ли, мой отец уже получил авансом довольно значительную сумму денег в обмен на... на мое обещание выйти за него замуж. – Она с трудом улыбнулась. – В общем, меня уже купили и оплатили.

– Леди Констанс, вы – не ценный груз, не товар.

– Нет, ваше высочество, я именно то, о чем вы сказали.

В ее голосе послышались нотки горечи. Очевидно, она прекрасно понимала, что ее использовали и с ней плохо обошлись, но решила не обращать на это внимания и не показывать боли. Не так ли чувствует себя его невеста, на которой он обязан жениться? Нет, о его свадьбе не стоит и думать! Они уже обсудили условия брачного контракта.

Вспомнив законы, Кадар едва заметно улыбнулся.

– А знаете, с юридической точки зрения ваше теперешнее положение – довольно любопытная головоломка. Поскольку вас, выражаясь вашими же словами, купили и оплатили, с точки зрения вашего отца, контракт уже исполнен.

– Именно поэтому я не могу вернуться в Англию и обязана выйти за мистера Эджбестона! Что, очевидно, означает: ее отец уже потратил свои несправедливо нажитые богатства.

– Наоборот, – сквозь зубы процедил Кадар. – Мистер Эджбестон не может жениться на утопленнице. В соответствии с английским договорным правом, а также традициями и обычаями международной торговли, потеря в результате форс-мажорных обстоятельств, иными словами, шторма, в который угодил «Кент», освобождает обе стороны от взятых на себя обязательств.

По мере того как до нее начал доходить смысл сказанного, она медленно расплывалась в улыбке. Кадар не сводил с нее взгляда: на такое зрелище стоило посмотреть. В ее больших карих глазах заплясали веселые огоньки. Губы маняще изогнулись. Улыбка осветила ее лицо, изменив доселе серьезное выражение. У него на глазах она преобразилась до неузнаваемости. Стала свободной и беспечной. Пленительной... Да, именно! В других условиях, не придавленная своей ношей, она вполне может быть пленительной. Кадар был уверен, хотя у него не было совершенно никаких оснований так полагать, что безликий купец, за которого она должна была выйти замуж, не способен оценить ее красоту и ум. Ему захотелось освободить ее, однако это было невозможно. А еще он хотел ее. Что было необычно. И тоже невозможно.

– Значит, если я официально буду считаться погибшей, договор аннулируется?

Неужели он глазеет на нее в упор? Кадар велел себе встряхнуться.

– Вот именно. В настоящее время ваша жизнь буквально потерпела крушение. Вы брошены на произвол судьбы. В каком-то смысле у вас нет ни прошлого, ни будущего. Вы вольны поступать по своему усмотрению.

– Я словно родилась заново, – вздохнула леди Констанс. Улыбка на ее лице увяла. – Лестно тешить себя такой мыслью, но, боюсь, без средств к существованию мне придется остаться в моей нынешней инкарнации. – Она подавила зевок. – Простите, сегодня у меня выдался очень трудный день.

Путешествие, которое она только что проделала в сопровождении Абдул-Меджида, травма, полученная совсем недавно, явно брали свое. Она побледнела, зато шрам на лбу поблговел.

– Вы перенесли суровое испытание, – кивнул Кадар. – Нельзя действовать опрометчиво. Сегодня я тщательно обдумываю сложившееся положение. Мы все обсудим завтра, после того как вы отдохнете. А пока приглашаю вас побыть моей почетной гостьей здесь, во дворце.

– Не хочу затруднять вас больше, чем уже затруднила.

– Уверяю вас, ваше общество мне очень приятно.

Он ответил не думая, однако его слова были правдой. Ее пальцы снова ощупали шрам. Теперь он действовал не думая: нагнулся к ней и взял ее за руку.

– Считайте свой шрам знаком отличия, – сказал Кадар. – Доказательством вашей воли к жизни. Вы замечательная девушка.

Лицо ее порозовело, и она облизнула верхнюю губу.

– Правда?

Он убрал с ее лба прядь волос и провел кончиками пальцев по тонкому рубцу. Ощутил ее трепет при своем прикосновении, и, к своему смущению, понял, что все больше возбуждается. В широком вырезе ее рубахи он нечаянно увидел холмики ее груди, и кровь у него закипела. Кадар решительно отвернулся.

– А теперь прошу меня извинить, я прикажу приготовить вам комнаты.

Глава 3

Когда Кадар осадил коня после последнего головокружительного галопа по изогнутому полумесяцем берегу моря, солнце почти взошло. Чистокровный арабский жеребец, бока которого раздувались и блестели от пота, охлаждал копыта на мелководе, а Кадар смотрел, как небо постепенно меняет цвет: из светло-серого становится светло-розовым, а затем золотым. Небо отражалось в бирюзовых морских водах, как в огромном мерцающем зеркале. Он ощущал прилив сил. Кожу покалывало от соли и пота, мускулы на бедрах приятно ныли от усталости, голова стала ясной. Здесь была его любимая часть побережья.

Ранние подъемы оставались одной из немногих слабостей, которыми Кадар не пожертвовал с тех пор, как гибель Бутруса вынудила его принять бразды правления. Зачастую лишь в драгоценный утренний час он мог побыть один, собраться с мыслями и подготовиться к испытаниям, которые готовил новый день. Но сегодня, глядя на море и наблюдая за вереницей рыболовецких судов вдали, он думал не о своих обязанностях, а о леди Констанс Монтгомери.

Почти с той самой минуты, когда она вошла в Зал приемов в своей крестьянской рубашке, когда он увидел ее растрепанные кудри и огромные яркие карие глаза, его потянуло к ней. Вчера вечером, вернувшись в Зал приемов, он увидел, что она спит на подушках, свернувшись калачиком и подложив руки под щеку. Копна волос закрывала ей лицо. От ее нежности и мягкости у него в паху заняло от желания. Ее тело казалось таким податливым. Полные груди, круглые ягодицы, сладкий женский аромат, идущий от нее, пока он нес ее в отведенные ей комнаты и укладывал на кровать... Какой мужчина на его месте не впечатлился бы?

Да, он желал ее, нет смысла отрицать. Он давно уже не чувствовал такого сильного влечения. Давно уже ему не казалось, что конкретная женщина, точнее, ее тело идеально ему подходит. Может быть, именно поэтому он ощущал возбуждение так остро? За долгие годы у него, конечно, были женщины. Его сердце было закрыто и запечатано, но тело оставалось живым, а аппетиты – здоровыми. Он был осторожен в своем выборе. Он научился с первого взгляда узнавать женщин, чья страсть обжигала. Но в его постели не было женщины с тех пор, как он покинул университет в Афинах и отправился в Маримон, чтобы присутствовать на свадьбе Бутруса. И уже давно у него не было женщины, обладавшей такой притягательностью, как леди Констанс.

Кадар закрыл глаза и позволил себе немного помечтать. Он представил, как хорошо было бы заняться с ней любовью. Вспомнил ее лукавую улыбку, представил сочные губы, дразнящие поцелуи, кудри, разметавшиеся по голым плечам и пышную грудь, которую он видел лишь мельком. Наверное, у нее тяжелые груди... А соски бледно-розовые или темные? А может быть, того оттенка розового, который граничит с коричневым? От его ласк они набухнут и отвердеют... Когда он проведет по ним пальцами, она затрепещет, выгнет спину, поднимая груди выше. Кудри, закрывающие ее лоно, будут того же каштанового цвета, что и волосы на голове, – может, на один тон темнее. Она оседлает его... она будет скользить по нему, влажная и горячая. Когда он закончит...

Кадар громко и злобно выругался. Он понял, что от своих неуместных фантазий пришел в полную боевую готовность – не лучшее состояние для того, чтобы сидеть на твердом кожаном седле на нервном жеребце. Он спешился, повел коня на сухой песок. Скоро он женится и должен будет все свои желания приберегать для жены. Он попытался представить себе лицо и фигуру принцессы Тахиры, но мог вспомнить лишь ее глаза над чадрой – холодные, далекие, равнодушные.

Констанс проснулась с трудом. Очень хотелось снова закутаться в уютное одеяло сна. Сознание возвращалось медленно. Сначала она поняла, что лежит в постели, почувствовала

мягкий матрас, подушку, похожую на облако из пуха, услышала легкий, чувственный шелест прохладных хлопковых простыней, укрывающих ноги. На ней было что-то шелковое, ласкающее кожу, совсем не похожее на грубую деревенскую рубаху, которую дала ей дочь старосты Башира. Она сладко потянулась – от кончиков ног до кончиков пальцев на руках, разминая плечи, выгибая спину. Ей казалось, что она очень долго спала.

Открыв глаза, она увидела над собой сводчатый потолок. Комнату заливал солнечный свет. Окно, через которое проникали лучи солнца, было вырублено высоко в стене напротив и снаружи закрывалось резной деревянной решеткой. Стены, как и во вчерашнем зале, были отделаны изразцами. Красные, желтые, синие и зеленые плитки складывались в причудливый узор, который повторялся в каждом четвертом ряду. Рядом с кроватью она увидела низкий столик. На нем стоял серебряный запотевший кувшин. Констанс поняла, что очень, очень хочет пить. Она выпила целый стакан освежающего лимонада и налила себе еще.

Ночная сорочка на ней была цвета сливок, расшитая крошечными белыми цветами. Никогда еще она не носила такой красивой ночной сорочки! Давно ли она спит? Кто уложил ее в постель? Она смутно помнила женские голоса, шепот, нежные руки, которые втирали что-то успокаивающее ей в лоб... Она думала, что видит сон. Туман в голове понемногу развеивался. Она вспомнила свое путешествие из деревни Башира. Корабль... Ее передернуло. Не думать о корабле! Путешествие в паланкине. А потом...

Принц Кадар.

Констанс вздрогнула и нахмурилась, удивляясь собственной реакции. Ей двадцать пять лет; она вполне восприимчива к привлекательным красивым мужчинам, но здесь другое – не преходящий каприз, а поразительный зов основного инстинкта. Никогда ее еще так по-первобытному не влекло к мужчине. Она даже не была уверена в том, что такое влечение ей по душе... Она улыбнулась. Нет, к чему лукавить? Ей это очень, очень нравится. Нравится покалывание, которое она ощущает, когда думает о нем, нравится, как сладко ноет внизу живота, нравится вздрагивать, трепетать – ну вот опять, она ощутила легкий приятный трепет, чувство, которое, по ее мнению, не должна испытывать настоящая леди. Во всяком случае, настоящая леди не должна испытывать таких желаний. Чтобы такой мужчина, как принц Кадар... чтобы она... нет-нет, ни за что. Но – ах! – от одних мыслей о нем влечение усиливалось!

Она снова потянулась, наслаждаясь гладкостью шелка и прикосновением мягчайших простыней. Греховно, греховно, греховно! Констанс рассмеялась. Такое легкомыслие совсем на нее не похоже! Правда, нечасто ей приходилось лежать в постели в апартаментах настоящего дворца и быть почетной гостьей арабского принца. Фантастика, просто сон! Время как будто остановилось – а с ним и ее жизнь. Как вчера выразился принц Кадар? «Брошена на произвол судьбы», да. Еще он сказал, что у нее нет ни прошлого, ни будущего. Последняя мысль ей очень понравилась. Она потянулась. Принц умеет складно говорить. И английским владеет просто превосходно. Он обмолвился, что жил за границей, но не сказал, где именно. И почему жил там так долго – кажется, семь лет. Сам ли он так решил? Он сам решал, что делать и куда ехать? А почему он вернулся в Аравию? Она даже не знала, как умер его брат – от несчастного случая, от болезни? Констанс нахмурилась. Вспомнив вчерашний разговор, она поняла: Кадар рассказал ей о себе на удивление мало, в то время как она... она выдала слишком много.

Она укрылась с головой. Да, слишком много! Она поделилась с ним такими мыслями, которые даже возникнуть у нее не должны. Нет, лучше не думать... Лучше помечтать о самом принце. Не важно, что она о нем почти ничего не знает... что ей все-таки известно? Бывали секунды, когда он забывал отгородиться от нее, обычно принц Кадар очень тщательно обдумывал каждое слово. Он из тех, кто хорошо умеет пользоваться и молчанием.

«Я не женат»... Очень любопытно! Когда он произнес эти слова, что-то отразилось у него на лице, но она не могла с уверенностью сказать, что именно она видела. Почему такой оборотительный и соблазнительный мужчина, как принц Кадар, не женат? Скорее всего, не

из-за недостатка возможностей. Даже если бы он не был правителем арабского эмирата, даже если бы он был не принцем, а, скажем, лакеем или конюхом, она не представляла себе, чтобы у него не было возможностей.

Ах, что с ней такое? Она забыла о главном. Итак, почему принц Кадар не женат, когда наверняка мог выбрать из тысяч женщин? Разумеется, кроме таких, как она.

А вот она предпочла бы вообще не выходить замуж. Констанс тяжело вздохнула и сбросила простыню. Но ведь ей в скором времени именно это и предстоит – как только она сядет на корабль, идущий на Восток! При условии, что она заставит себя подняться на борт корабля. Ей придется выйти замуж, как бы ни ужасала ее сама мысль о замужестве. Мистер Эджбестон честно заплатил за нее, и, как бы ей ни хотелось, чтобы он и дальше считал ее утонувшей, она все же не утонула!

Настроение у нее испортилось, вернулось ощущение нависшей над ней угрозы. Констанс свесила ноги с широкого и высокого дивана. Ее била дрожь. Мраморный пол охлаждал ступни. Натянув халат, очень кстати лежавший в изножье кровати, она осторожно подошла к двойным дверям в стене напротив. Деревянные, покрытые искусной резьбой, в том же стиле, что и на оконной решетке. Распахнув двери, она очутилась в гостиной, откуда открывался вид на внутренний двор. Сев на большую подушку у высокого окна, она прислонилась щекой к стеклу. Что, если она в самом деле решит не воскресать из мертвых? Кто будет по ней скучать? Мама... К горлу подступил ком. Глаза наполнились слезами. Она проделала такой путь ради мамы, хотя была уверена, что мама действовала отнюдь не в ее интересах. Что бы мама ждала от нее сейчас? Ответ не изменился. Она точно не хотела бы, чтобы дочь возвращалась в Англию. Констанс вздохнула; от ее дыхания запотело стекло. Грустно думать: мертва ты или жива, никто о тебе не пожалеет. Кроме тебя самой, конечно.

В дверь тихо постучали, и в зал вошла небольшая процессия служанок. Они отвлекли Констанс от грустных мыслей. Одна за другой служанки складывали ладони и низко кланялись, приветствуя ее. Одна служанка принесла завтрак. Еще две разложили на диване наряды, сшитые из легких охлаждающих тканей, а еще одна подала ей записку на английском языке: принц Кадар приглашал ее к себе.

Констанс огляделась по сторонам: кругом кипела бурная деятельность. Еще две служанки внесли в спальню огромную ванну. Она немного приободрилась. Откровенно говоря, у нее нет никаких причин падать духом. Ей предстоит много дней, а может быть, и недель отдыха; она – гостя в поистине сказочном дворце. Судьба отнеслась к ней довольно благосклонно. Она намерена наслаждаться каждой минутой, проведенной здесь!

Констанс поняла: на то, чтобы подготовиться к аудиенции у правителя, требуется ужасно много времени. Сначала ее искупали в воде, настоянной на розовых лепестках. Свежевымытые волосы причесали и укротили благодаря какому-то душистому маслу. Одежда, выбор которой она предоставила служанкам, тоже не напоминала то, что она носила обычно. Свободные шаровары, туго собранные на лодыжках и подхваченные на талии, были сшиты из легкой ткани цвета сливок. Единственным предметом нижнего белья стала тончайшая сорочка на бретелях. Поверх сорочки она надела длинную, до бедер, блузу из муслина цвета сливок, а на блузу – своего рода короткое платье без рукавов из шелка абрикосового цвета. Платье застегивалось на ряд крохотных перламутровых пуговиц. На ноги ей надели мягкие замшевые тапочки.

Посмотревшись в зеркало, неузнаваемая даже для себя самой, Констанс решила, что напоминает то ли крестьянку, то ли наложницу. Конечно, ни одной наложницы она в жизни не видела... Странное чувство – быть полностью одетой, но не затянутой в корсет. Хотя верхнее платье плотно застегивалось до талии, вырез сверху открывал верхнюю часть груди. Критически посмотрев на свои выпуклости, она решила, что сейчас все же прикрыта лучше, чем если бы надела бальное платье, сшитое по последней моде. Теперь она готова к встрече с прин-

цем! Улыбаясь и жестами выражая свою благодарность служанкам, Констанс поплыла следом еще за одной девушкой по лабиринту коридоров. Наконец ее подвели к узкой винтовой лестнице. Наверху она ненадолго остановилась и зажмурилась, дожидаясь, когда глаза привыкнут к яркому солнечному свету. Открыв глаза, она поняла, что очутилась на большой террасе. Пол был выложен мозаичной плиткой, белой с вкраплениями зеленого, желтого и красного, как пол на римской вилле. Террасу ограничивал невысокий парапет из красного камня; в углах, как часовые, стояли большие терракотовые горшки с экзотическими растениями. В центре почти все пространство занимал какой-то громоздкий предмет, укрытый чехлом, а чуть дальше, в углу, под навесом стоял письменный стол, заваленный бумагами, свитками и стопками переплетенных в кожу книг. За столом сидел принц Кадар.

– Леди Констанс! – Его влажные волосы были зачесаны назад, хотя на затылке уже начали мятежно курчавиться. На нем была длинная рубаша в широкую серо-белую полоску, серые брюки, черные домашние туфли. – Доброе утро! – Принц по-европейски поцеловал ей руку. – Надеюсь, вам лучше? Вы выглядите... преобразившейся.

– Я определенно никогда не надевала столь экзотических нарядов, – ответила Констанс, смущенная его прикосновением и блеском в его глазах, когда он смотрел на нее... нет, должно быть, показалось.

– Сожалею, что у нас не в ходу наряды, к которым вы привыкли – по крайней мере, так мне сообщила особа, которая выбирала вам одежду, жена одного из моих советников.

– Прошу вас, поблагодарите ее за меня. На самом деле здешние наряды нравятся мне куда больше тех, к которым я привыкла. Во всяком случае, они гораздо лучше подходят к вашему климату. В английской одежде мне было бы здесь слишком жарко. Многочисленные нижние юбки и... – Решив, что «корсет» – неподходящее слово для ушей джентльмена, тем более принца, Констанс после паузы продолжила: – И прочее... То есть... спасибо, ваше высочество, за заботу. Боюсь, у меня нет возможности отплатить вам, но...

– Умоляю, не обижайте меня!

Его настроение изменилось так резко, что Констанс вздрогнула, слишком поздно сообразив, насколько неофициально он держался всего несколько мгновений назад. Она прикусила губу и изобразила нечто вроде реверанса.

– Простите, ваше высочество, я не хотела вас обидеть!

Молчание. Кивок. Снова молчание.

– Наверное, вы позвали меня сюда, чтобы сообщить, что на рассвете из порта отплывает корабль? – тихо предположила Констанс.

Принц Кадар запустил пальцы в свою шевелюру.

– К сожалению, торговые суда с Запада нечасто заходят в наш порт. Большинство из них направляются в Индию в обход Маримона. Мои предположения подтвердились: следующий корабль ждут не раньше августа.

– Не раньше августа! Но сейчас только май!

– К сожалению, у нас в Маримоне нет кораблей, подходящих для такого путешествия. Незадолго до своей гибели мой брат заказал постройку шхуны. Трехмачтовой. Океанской... – Принц Кадар покачал головой. – Зачем такое судно понадобилось Бутрусу, понятия не имею, но дело не в том. Шхуна еще не готова, и достроят ее не раньше июля.

– Должно быть, я доставляю вам неудобство. Три месяца – долгий срок для незваной гостьи!

Принц улыбнулся:

– Но я ведь вчера сам пригласил вас пожить здесь. Можете оставаться столько, сколько пожелаете.

– Да, но...

– Леди Констанс, повторяю, мы рады вашему присутствию.

Констанс покраснела. Когда он вот так улыбается, она не может связно мыслить. Словно свет далекой звезды в линзах ее телескопа, который на время слепит ее, не давая ничего рассмотреть.

– Благодарю вас, – моргая, ответила Констанс. – Если я что-то могу сделать, пока нахожусь здесь, чтобы, так сказать, оправдать мое пребывание... буду рада помочь. К сожалению, шью я не слишком хорошо, зато отлично умею считать. Хотя не знаю, зачем вам счетовод, если у вас наверняка есть казначей.

– И помощник казначея, и множество писцов, – кивнул принц. – Наверное, во дворце найдется и достаточно швей. Располагайте своим временем, как хотите.

– Не уверена, что знаю, как им располагать. Я люблю чем-то заниматься.

– В таком случае советую осмотреть нашу страну, исследовать ее достопримечательности. Кстати, я вспомнил, зачем пригласил вас сюда, на мою личную террасу. Подойдите ближе. – Принц Ка-дар поманил ее к парапету, доходившему ей до талии. – Вот, взгляните на Маримон! Вид, открывшийся ее взору, был поразительным.

На горизонте встречались море и небо – ослепительно голубые, небо испещрено белыми облаками, на море мелькают барашки на волнах. Вдали двигалась вереница рыболовецких судов; они находились слишком далеко, и Констанс различала лишь разноцветные корпуса и треугольные паруса. Широкая прибрежная полоса слева от нее была изрезана многочисленными бухточками, в которых помещались рыбацкие деревушки, похожие на деревню Башира: белая полоса пляжа, лепящиеся друг к другу домишки. За деревьями виднелись участки плодородной земли. Справа местность была более гористой; красно-оранжевые холмы сменялись гораздо более высокими зазубренными горными пиками. Здесь зелени было меньше, а деревьев совсем мало.

Прямо под дворцом находился маримонский порт. Вдали виднелись строения, одни высотой в три или четыре этажа, а другие низкие и приземистые. Вероятно, верфи – их огромные двери выходили прямо на пристани, стоявшие под нужным углом к берегу. Мол в ближней гавани был выше и более каменистый; там стояла небольшая крепость. Конечно, маримонский порт не мог сравниться, скажем, с Плимутом, где она садилась на «Кент», но там наблюдалась такая же суeta. Корабли всех форм и размеров стояли на рейде или были пришвартованы к причалам. Дау, гораздо больше, чем рыболовецкие суда в деревне Башира, сновали туда-сюда между судами покрупнее. Рядом раскинулся город, выросший у порта. Констанс облокотилась о парапет, чтобы рассмотреть его получше. По склону извивалась тропа – должно быть, именно по ней ее вчера несли в паланкине. Тропа вела мимо домов, высоких и узких, и журчащих фонтанов, стоящих на маленьких площадях. Терраса на крыше, судя по всему, была самой высокой точкой дворца. Констанс решила, что под террасой находятся еще три или даже четыре этажа; с двух сторон центрального здания она увидела два крыла, которые уступами спускались вниз. Попасть во дворец можно было с широкой площади, мощенной мраморными плитами. Площадь была окаймлена двумя рядами пальм, похожих на часовых. Широкая лестница вела к сводчатому portalу.

– Ну, что вы думаете о моих скромных владениях?

Констанс обернулась слишком резко и ухватилась за край парапета: от жары и ослепительного блеска моря, неба и солнца у нее закружилась голова.

Сильная рука подхватила ее, не давая упасть.

– Осторожно! Не хотелось бы во второй раз сообщать о вашей безвременной кончине.

– Благодарю вас, мне уже лучше. – Констанс снова повернулась к морю. – Ваши владения очень живописны. Никогда не видела ничего даже отдаленно похожего. Как далеко от порта находился «Кент», когда пошел ко дну?

– Видите вон там дау? – Кадар показал вперед поверх ее плеча. – «Кент» лежит недалеко. Почти всех пассажиров и членов экипажа спасли суда, стоявшие в порту. Нескольких погиб-

ших обнаружили в соседней бухте, вон там. Бухта, куда отнесло вас, находится за тем мысом, как видите, довольно далеко отсюда.

Море выглядело таким спокойным... Не верилось, что на нем возникают такие шторма.

– Ничего не помню, – вздрогнув, призналась Констанс, – кроме того, как меня выбросило за борт. А потом – совершенно ничего.

– Может, это и к лучшему. – Кадар сделал шаг назад. – По-моему, и воспоминаний о шторме достаточно, чтобы навлечь на вас бессонницу.

– Но вчера, – возразила Констанс, – я спала как убитая... весьма кстати.

Принц Кадар положил руки ей на плечи и развернул лицом к себе.

– Зато раньше вам часто снились страшные сны, верно?

Его прикосновение встревожило ее.

– Иногда. – Констанс безуспешно попыталась высвободиться. – Вот почему я проводила столько ночей, глядя на звезды. Они отвлекали меня от кошмаров.

– Вы смотрели на звезды?!

– Изучала космос, звезды и планеты, – ответила Констанс.

– Вы увлекаетесь астрономией?

– Чему вы удивляетесь? Тому, что я питаю пристрастие к изучению ночного неба, или тому, что я женщина, которая любит смотреть на звезды? – Констанс отвернулась. Она была разочарована, сама не зная почему. – Вот и мой отец находил мое пристрастие необъяснимым. Он не видел в нем никакой практической цели... Мой отец сразу же теряет интерес к тому, что не несет выгоды.

– Не думаю, что ваше пристрастие необъяснимо, и, уж конечно, я не считаю, что ваша принадлежность к женскому полу должна лишить вас возможности заниматься наукой. Как раз наоборот. Ваши интересы делают вам честь и достойны всяческих похвал.

– Вот как! – Она снова смотрела ему в лицо. – В таком случае простите. Я не должна была говорить с вами так, как говорила, но я все время забываю, что вы принц. То есть не забываю, особенно когда вы смотрите на меня... оценивающе... и мне хочется придумать для вашей оценки что-нибудь поинтереснее, но я боюсь, что вы сочтете меня скучной, если прочтете мои мысли, что совсем не так, очевидно, хотя, по правде говоря, создается впечатление, что вы можете... и... ох, вот еще! Ваше молчание! Мне хочется чем-то его заполнить, я начинаю бессвязно болтать... – Ее лицо стало пунцовым. – Наверное, теперь вам хочется, чтобы корабль, идущий в Бомбей, увез меня как можно скорее! – сокрушенно подытожила Констанс.

– Откровенно говоря, как раз наоборот. Помоему, я нашел идеальное решение: я придумал, чем вас занять на те три месяца, что вы проведете здесь.

– Ах, у вас освободилось место придворного шута?

Едва заметно улыбнувшись, принц взял ее за руку и подвел к телескопу, закрытому чехлом, стоявшему посреди террасы.

– У нас вакантно место придворного астронома!

Кадар убрал чехол, и рот у леди Констанс открылся.

– Телескоп! Да еще какой! – Она провела пальцами по полированной деревянной трубе. Дотронулась до табуретки, которая прикреплялась к подъемному механизму. Погладила сам механизм и медную ручку, с помощью которой можно было вращать трубу вокруг своей оси. Посмотрела в окуляр. Наконец снова погладила трубу. – В жизни не видела ничего красивее, – тихим от благоговейного восторга голосом произнесла она. – Где же вы нашли такой сложный прибор?

– Я разделяю вашу страсть к изучению звезд. Вы и понятия не имеете, какая редкость встретить здесь астронома. Мой телескоп дает семикратное увеличение, – сказал Кадар. – Его построили в мастерской мистера Гершеля. Я купил его пять лет назад, когда провел некоторое время в Оксфорде. С тех пор он повсюду путешествует со мной.

– Неужели он из лаборатории самого Уильяма Гершеля? – Ее карие глаза засверкали.

– Я знаком с самим великим ученым, – продолжал Кадар, с трудом отводя от нее взгляд. – Мне кажется, что слишком большой прибор довольно непрактичен и неудобен в использовании. В том же признавался и сам мистер Гершель. Телескоп, с которым он открыл новую планету, очень похож на этот.

– Он назвал планету «Звездой Георга» в честь короля, – кивнула леди Констанс. – Правда, название «Уран» нравится мне гораздо больше: в честь Урании, богини астрономии. Наверное, даме – придворному астроному – не стоит признаваться, что в части названия созвездий она предпочитает мифологию науке?

– Значит, вы романтик? – не без удивления спросил Кадар.

– Кто может отрицать романтику звезд? Конечно, кроме моего отца, – сухо продолжала леди Констанс. При упоминании родителя настроение у нее явно упало. – Как по-вашему, сколько времени нужно, чтобы письмо дошло до Англии? Я должна написать маме.

– Несколько недель. Самый надежный и быстрый способ – отправить его срочной почтой по Красному морю в Каир, где его можно передать вашему генеральному консулу. Я позабочусь.

– Спасибо, я снова ваша должница. Знаете, сегодня утром я вспоминала ваши вчерашние слова. То, что по закону я мертва и могу сама решать, воскреснуть или же остаться в теперешнем статусе. Всего на несколько секунд, но я в самом деле подумала об этом, хотя и знаю, что такой поступок был бы неправильным. Я испытала отрезвляющее чувство, ибо печальный факт заключается в том, что единственный человек, который будет оплакивать меня, – мама. С другой стороны, она уже в некотором смысле оплакала меня, когда я уезжала. – Констанс быстро заморгала. – Ах, ради всего святого, не смотрите на меня, пожалуйста. Такая впечатлительность совсем не в моем духе. И жалость к себе тоже.

Подобные чувства вполне оправданны, решил Кадар, но не стал произносить это вслух.

– Идите в тень, под навес, а я налью вам чего-нибудь прохладительного.

– Я снова сказала что-то не то... Должно быть, вы считаете меня весьма капризной особой, которая болтает первое, что приходит в голову.

– По-моему, вы очень храбрая особа... и весьма достойная, Констанс... леди Констанс...

– Пожалуйста, зовите меня просто Констанс. Мне нравится, как вы произносите мое имя.

Он поманил ее к горе подушек и налил им обоим по стакану лимонада, а затем и сам сел напротив. Констанс отпила большой глоток.

– Благодарю вас! И снова примите мои извинения. Уверю вас, обычно я довольно спокойная особа. Может быть, я пересидела на солнце. И конечно, ваше высочество, я отнимаю у вас много времени. Насколько я понимаю, вы очень заняты. – Она показала на заваленный бумагами стол.

– Прошу вас, называйте меня просто Кадаром.

– Ах нет, так нельзя.

– Только когда мы одни. Когда я не принц, а вы – не придворный астроном.

– Я не восприняла ваше предложение всерьез. Решила, что вы пошутили.

– По-моему, это прекрасная мысль. – Кадар долил ей в стакан лимонада. – Она решает несколько задач. Во-первых, и это самое главное, в качестве придворного астронома вы займете законное место во дворце, поэтому никто не усомнится в правильности вашего пребывания здесь. Во-вторых, вы сами говорили, что предпочитаете чем-то заниматься. Так совпало, что мы не располагаем точными картами звездного неба в нашей местности. Я собирался исправить положение, но теперь понимаю, что у меня, как у правителя, просто не останется на это времени. Буду вам очень признателен, если вы обновите карты.

– Ах, я могла бы вас расцеловать! – Лицо Констанс запылало. – Нет, я не хотела... То есть я бы не посмела... то есть это было бы в высшей степени неприлично, если учесть, что

мы с вами едва знакомы. И даже если бы я хорошо вас знала, я не привыкла раздавать поцелуи мужчинам... и даже если бы привыкла... по-моему, я не должна целовать вас сейчас, ведь я помолвлена. Так что не нужно смотреть на меня, как будто...

– Как будто я хочу, чтобы вы меня поцеловали, – закончил за нее Кадар.

– Что?!

– Не знаю, какое у меня было лицо, но я думал, что, несмотря на все весьма веские доводы, которые вы привели, мне бы очень хотелось, чтобы вы меня поцеловали. И я с удовольствием поцеловал бы вас в ответ.

Констанс смотрела на него с таким удивлением, с каким воспринимал себя он сам после подобного признания. Он мог бы промолчать, но сказал правду. Он хотел не только целовать ее, а гораздо больше, и он не мог не думать о том, что это подразумевало – во всех сладчайших подробностях. Он думал об этом с самого ее появления во дворце. Но если ей предстоит провести в Маримоне следующие три месяца, ему придется изловчиться, как бы не поцеловать ее. Поэтому Кадар сказал единственное, что, по его мнению, способно было охладить пыл обоих:

– Но я не могу целовать вас. Выражаясь вашими же словами, это будет в высшей степени неприлично, ведь я тоже помолвлен.

Глава 4

Через две ночи Констанс стояла рядом с низким парапетом на террасе и смотрела, как солнце садится за Маримонским портом. Она вспоминала путешествие мифологического титана Гелиоса на колеснице. Зрелище ночи, которая опускалась на Аравийское море, наполняло ее благоговейным восторгом. Последние лучи заходящего солнца окрасили небо и отражались в море. Ослепительно яркие краски требовали новых названий; существующих слов было недостаточно. Ночь опустилась стремительно. Только что небо было голубым, и вот оно стало цвета индиго. Звезды здесь не напоминали робких дебютанток, как в Англии. Они были яркими, крупными золотыми и серебряными дисками и не мерцали осторожно, а светили уверенно и откровенно.

Отойдя от парапета, она подошла к груде подушек, которые заранее разложила у телескопа. Легла на спину и посмотрела на небо, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте. Над ней разворачивался ночной парад звезд. Луна убывала; полумесяц был совсем тонким. Лунный бог Аннинган был так занят, гонясь за своей любовью, Солнцем, что забывал поесть. Через день-другой он исчезнет с небосклона на три дня. В это время он спускается на Землю, чтобы поохотиться. Когда он вернется, то будет расти и толстеть, постепенно превращаясь в круглую маслянистую Луну. А потом, отвлеченный любовью, он снова забудет о еде... В детстве Констанс очень любила эту легенду, хотя и жалела бедного Аннингана, привязанного к непостоянному Солнцу. Он вынужден был повиноваться любимой и не имел собственной воли. Впрочем, с таким же успехом Солнце могло быть мужчиной, а Аннинган – женщиной.

Она устроилась поудобнее на мягких подушках. Мама велела ей думать о хорошем, снова и снова повторяла то, в чем убедилась сама. Все ее заверения были вариациями одной и той же темы. Семейная жизнь Констанс будет легкой и беззаботной, потому что муж Констанс богат. Констанс будет счастлива, потому что счастлив ее муж. Богач не может быть несчастлив, ведь он ни в чем не знает нужды. Одним махом Констанс позаботится о собственном будущем и спасет родителей.

Логике мамы был присущ серьезный изъян. Ее невозможно было убедить, что пополнение папиных сундуков не пойдет им на пользу. Отец быстро растратит полученные за дочь деньги. Он обладал каким-то талантом выбирать из всех предприятий самые сомнительные. Ну, а будущее самой Констанс... тут мамыны рассуждения тоже последовательностью не отличались. Деньги мистера Эджбестона принадлежат ему, и он может распоряжаться ими по своему усмотрению, как и своей женой. От нее же требовать очень многого!

Мысли о будущем нагоняли тревогу. Что, если она не понравится незнакомцу, за которого ей предстоит выйти замуж? Что, если он ее невзлюбит? Что, если он сам ей не понравится? Сама мысль о притворстве вгоняла ее в трепет. Ей придется делать то, что от нее ожидают, у нее нет другого выхода – вот что самое плохое. Ей двадцать пять лет. Она прекрасно себя знает. Она не хочет выходить замуж. Никогда не хотела. Все очень просто. Она не хочет замуж. В самом деле не хочет.

Но придется, и нет смысла себя растревлять. Дело необходимо довести до конца. Хотя, хвала Всевышнему, еще не сейчас. Еще несколько месяцев корабля не будет. Два месяца, а может, и три. Пока нужно воспользоваться сложившимся положением наилучшим образом. Времени у нее больше чем достаточно. Времени так много, что лучше вовсе не думать о том, что ее ждет, и обратиться к более интересному предмету. Например, к таинственному и обворожительному правителю Маримона.

Она очень хотела узнать о нем побольше, да и, признаться, сомнительно, чтобы принц согласился отвечать на ее вопросы. Она уже заметила: когда он не хочет о чем-то говорить, он награждает ее одним из своих взглядов. Она даже составила их список. Взгляд номер один:

Надменный принц. Взгляд номер два: Ясновидящий, который читает ее мысли. Взгляд номер три: Сфинкс. И два ее любимых: взгляд номер четыре, от которого тает все внутри, и взгляд номер пять, от которого у нее закипает кровь.

Кадар хотел ее поцеловать, но не мог, потому что помолвлен с другой. Как и она. Не софистика ли возражать, что подобный поцелуй допустим именно потому, что ничего не значит? Возможно. Разве не станет она лучшей женой, если будет уметь целоваться? Может быть. Хотя к чему лукавить? Она готова поцеловать Кадара по одной-единственной причине: она хочет его поцеловать. Да, несмотря на то, что прекрасно понимает: так неправильно, нехорошо. И он хочет поцеловать ее. Если бы не хотел, все было бы проще.

Небо над головой стало черным, отчего самые яркие звезды приобрели голубоватый оттенок. При такой ущербной луне теперь, когда глаза привыкли к темноте, она видела сотни далеких ярких точек вдобавок к главным созвездиям. Сегодня особенно отчетливо виднелись Весы, Скорпион и Стрелец. Как всегда, глядя на красоту неба, Констанс переполнялась ощущением чуда. Она – всего лишь крошечное существо на маленькой планете в огромной Вселенной, заполненной мириадами других планет. Все это существовало бесчисленные тысячи лет. Констанс начала настраивать телескоп, решив сегодня нацелить его на юг.

Когда Констанс вернулась в свои покои, насмотревшись на звезды, ее ждало приглашение сопровождать Кадара на утренней верховой прогулке. Одежда, которую ей приготовили по такому случаю, прекрасно подходила названной цели: мягкая белая блуза без рукавов под длинной темно-красной хлопчатобумажной накидкой и такого же цвета шаровары. Наряд дополняли высокие замшевые сапоги, облегаящие ноги до колена. Длинные заостренные мыски украшала красная вышивка.

Кадар встретил ее у конюшни; он уже выбрал для нее арабскую кобылу, красивее которой она в жизни не видела. Констанс обрадовалась тому, что привыкла ездить верхом по-мужски: здесь не было седел для женской посадки. Утро было чудесным, и она не могла бы просить более спокойной лошади. Над ними в утреннем бирюзовом небе плыли белые облака, солнце было бледно-золотистым, воздух пряным от соли. Когда они добрались до дальнего конца длинного пляжа, Констанс остановила кобылу. Кадар уже ждал ее. Береговая линия была скалистой; чуть дальше от моря росли высаженные стройными рядами деревья.

– Оливы, – сказал Кадар, отвечая на ее молчаливый вопрос. – Они отгораживают участки драгоценной плодородной земли от морского ветра и соли.

– Как красиво! – воскликнула Констанс. – А лошадь... она ведет себя идеально. Тот, кто ее тренировал, очень искусен.

– Ее растили в Бхариме, как и моего жеребца. У Рафика, тамошнего эмира, лучшие кони во всей Аравии. Мне повезло, я один из немногих, кому он соглашается продавать племенных лошадей.

– А! – рассмеялась Констанс. – Понимаю, почему он считает вас достойным. Вы скачете, как будто родились в седле. Считаю за большую честь возможность прокатиться на этой красавице!

Кадар улыбнулся и предложил:

– Сегодня довольно сильный отлив, и мы можем отправиться на мыс, если вы не устали.

– Можно ли устать от такой прогулки! – засмеялась Констанс.

Море, небо, песок, лошадь и мужчина – ничто не способно ей надоест, думала она, скача следом за ним. Голова у принца была непокрыта, и его черные шелковистые пряди трепал ветер. От пота тонкая рубаша прилипла к спине, облекая бугристые мускулы на плечах. Несмотря на стройность, он был очень сильным. И отлично смотрелся на породистом жеребце.

Когда они повернули на мыс, отлив продолжался. Оливы сменились зарослями кустарника. Они поднялись на утес. Мерный плеск волн о песок стих и казался тихим вздохом. Горы,

которые Кон-станс мельком видела вчера с террасы на крыше, теперь явственно проступили на горизонте. Всадники резко повернули, и она ахнула от радости, увидев идеальный полумесяц песка, совершенно отгороженный крутыми скалами. За утесами находилась природная бухта. Почти такая же бухта виднелась по другую сторону залива.

– Что вы думаете о моем убежище?

– Мне не хватает слов. Ваша страна прекрасна! Свет просто волшебный. Синее небо, лазурное море... как будто оказался в картине. Здесь все такое живое, краски настолько яркие! Они очень отличаются от приглушенных оттенков серого, типичных для Англии. Здесь что-то происходит с душой. Дух поднимается. – Она смутилась. – Не знаю, как это действует, но я чувствую себя так, словно во мне множество пузырьков... наверное, вы решите, что я сумасбродка.

– По-моему, здешняя красота вам подходит, – ответил Кадар. – Вы яркая. Пылкая. Живая.

Он помог ей спешиться, обхватив ее за талию. Констанс уселась в тени утеса, сняла сапоги и стала смотреть, как он стреноживает лошадей. Видимо, она на миг задремала. Когда она открыла глаза, над ней стоял Кадар и смотрел на ее босые ноги.

– Мне стало жарко, – смущенно пояснила Констанс. В Англии ей и в голову не пришло бы разуться при посторонних.

– Да, – ответил он, бросив на нее взгляд сфинкса и садясь на песок рядом с ней.

Он решил последовать ее примеру и тоже стащил свои длинные сапоги – намного длиннее, чем у нее. Его кожа оказалась цвета золотистого песка, смоченного морем. Ступни с высоким подъемом, как и у нее.

– Расскажите, как идет наблюдение за звездами. – Предмет еще более отвлекающий, чем ноги Кадара!

– Я думала, вы не спросите, – улыбнулась Констанс. – Скоро вы пожалеете, что спросили! – Легко было перенестись на небеса, особенно в обществе мужчины, разделявшего ее страсть, который мог заполнить несколько пробелов в ее познаниях. Она говорила долго и замолчала не потому, что у нее закончились слова, а потому, что пересохло во рту. – Я вас предупреждала! – завершила она.

Кадар лежал рядом, опираясь на локти. Волосы его ерошил ветер. И он улыбался той улыбкой, от которой у нее все таяло внутри.

– Трудно найти более усердного и воодушевленного придворного астронома!

– Но, наверное, вы могли бы пригласить астронома более подготовленного.

– Который пересчитал бы звезды и зарисовал их положение с математической точностью. Мне больше нравится ваше описание звездного неба. Ночного неба, где живут мифологические существа. Романтического космоса, полного страсти и чудес. Мне очень повезло с выбором придворного астронома – большое вам спасибо.

Он снова улыбнулся. Их взгляды встретились. Он потянулся к ней и заправил за ухо выбившуюся прядь волос. Его пальцы коснулись ее щрама. Ее сердце учащенно забилося. Кончики его пальцев пролетели по щеке, по шее и остановились у основания горла. Она инстинктивно подалась к нему, и он сделал то же самое. Соприкоснулись плечи. Ноги... Его теплое дыхание на ее щеке. Она подняла руку к его лицу, повторяя его жест; погладила его по щеке, дотронулась до жесткой щетины на подбородке.

Он опустил голову и склонился к ней. Его губы были мягкими. Поцелуй – нежным. Вкус – соленым. Ей показалось, будто она растворяется в нем. Ее пальцы зарылись в его шелковистые волосы. Она разомкнула губы, робко отвечая на его поцелуй. Потом он вздохнул. Поднял голову. Они опустили руки. Отодвинулись друг от друга.

Что случилось? Был поцелуй или его не было?

Почему они поцеловались, хотя оба ясно дали понять, что этому не суждено случиться? Констанс рассеянно смотрела на море. Ее чувства находились в полном смятении.

– Не понимаю. Я знала, что я не должна так поступать, разум твердил, что это неправильно, но мое тело...

Кадар еле слышно произнес что-то на своем языке. Она рискнула покоситься на него.

– Ваша привычка повторять вслух мысли в том виде, в каком они приходят вам в голову, иногда бывает опасной.

– Что вы имеете в виду?

Он пригладил пальцами свою шевелюру.

– Констанс, от меня потребовалось большое усилие, чтобы прервать поцелуй. Когда вы сказали, что хотите... – Он замолчал и покачал головой. – Приказываю себе даже не думать о том, чего вы хотите, иначе мое тело... пожелает того, чего не должно желать.

– Вот как... – К собственному изумлению, она жалела, что Кадар проявил силу воли. Лучше бы он продолжил целовать ее. Их поцелуй, который на самом деле был лишь началом поцелуя, так восхитительно возбуждал, что в самом деле трудно было думать о чем-то другом, кроме того, во что он мог превратиться. Если не считать того, что еще могло бы быть, если бы она подвергла испытанию его силу воли, потянулась к нему и дотронулась губами до его губ, и... и тогда она узнает, что желает сделать его тело с ее телом.

Кадар задумчиво набирал в ладонь пригоршни песка, и тот тонкой струйкой утекал у него между пальцев. Вскоре рядом с ним образовался холмик, похожий на нижнюю половину песочных часов. Он не был похож на человека, которому с трудом удается восстановить самообладание.

– Вас разочаровала моя неопытность, – вздохнула Констанс. Конечно, дело в этом! – Ничего страшного, вы не обязаны притворяться, будто вам понравился мой неумелый поцелуй.

Он пытливо заглянул ей в глаза; на его лбу залегла тонкая морщина.

– Констанс, я никогда не притворяюсь. Откровенно говоря, мне понравилось целовать вас гораздо больше, чем я ожидал. Когда я впервые вас увидел, у меня возникло чувство, что наша любовь может запомниться надолго. Наши тела и желания идеально совпадут. То, что только что произошло, доказало, что я был прав. Вот почему мы не должны забывать об осторожности.

– Хотите сказать, что в следующий раз труднее будет остановиться?

Кадар поморщился:

– Я хочу сказать, что мы проявим благоразумие, если не станем думать о следующем разе.

Противиться искушению снова поцеловать его – одно, но отказывать себе в удовольствии думать об этом... нет, Констанс не была способна на такое. Она промолчала.

Кадар набрал еще одну пригоршню песка.

– Моя коронация состоится через две недели.

Она с радостью переключилась на другую тему:

– Вы станете королем Маримона?

– Эмиром, правителем Маримона. Естественно, вы приглашены на церемонию, ведь вы принадлежите к числу придворных. Вам понадобится праздничный наряд. Раньше у нас не было придворного астронома, поэтому можете заказать халат по своему вкусу.

– Чудесно! Но не расточительно ли шить такой наряд? Ведь я здесь лишь временно.

– Временно, однако на законных основаниях. Я уже объявил визирям о вашем назначении. Не желаю компрометировать ваше доброе имя всевозможными домыслами – как и позорить мою будущую жену. Брак и без того будет весьма обременителен для обеих сторон. Я не желаю начинать семейную жизнь с презрения.

– Обременителен? Кадар, разве вы не хотите жениться?

– Не больше чем вы хотите выходить замуж. – Он высыпал еще струйку песка. – Но в моем случае, как и в вашем, мои личные предпочтения почти ничего не значат. Мою судьбу,

как и вашу, решили за меня, мне выбрали невесту. Честь, долг, обязанности – вот почему я женюсь, хотя мы с вами различаемся в главном. Выгодоприобретателем в случае вашего брака становится ваш отец. В моем случае – мои подданные.

Констанс смотрела на него, приоткрыв рот. Столько всего мелькнуло в его скупых словах, в его ровном тоне!

– Ваша невеста... вы сказали, что вам ее выбрали?

– Дело обстоит не совсем так. На самом деле ее выбрали для моего брата, – сухо ответил Кадар. – Я унаследовал ее вместе с верховной властью.

– Нет-нет, вы, наверное, шутите! – Но одного взгляда хватило, чтобы понять, что Кадар совершенно серьезен. – Боже! – воскликнула Кон-станс. – Это очень... странно, мягко говоря. Разве вы не против того, чтобы получить в жены чужую невесту?

Он снова хрипло рассмеялся.

– Как правитель, я должен на первое место ставить интересы государства, а на последнее – собственные желания. Мой народ с нетерпением ждет пышной свадьбы, с которой начнется новая эпоха. И значит – свадьба будет. Дату бракосочетания назначили всего через две недели после того, как трагически погиб мой брат.

– Что с ним случилось?

– Несчастный случай во время верховой прогулки.

Глаза его опять как-то странно сверкнули. Констанс уже замечала такое выражение, когда Кадар впервые упомянул своего брата. Она тогда спросила, были ли они близки, и он не ответил. Она решила все выяснить окольным путем.

– Ваш брат был намного старше вас?

– На два года.

– У меня нет ни братьев, ни сестер, – сказала Констанс. – Я всегда жалела...

– Мы не были особенно близки, – перебил ее Кадар, – если вас интересует именно это. Вы уже спрашивали меня о Бутрусе в первый вечер после прибытия.

– Вы мне тогда не ответили.

– До того как я приехал в Маримон на его свадьбу, мы с ним не виделись семь лет. Мы с ним были очень... разными. Бутрус находил совершенно непонятной мою любовь к ученым занятиям. Как и наш отец, который очень радовался, что я – второй сын, а не первенец. С точки зрения темперамента, интеллекта и по многим нравственным правилам я совершенно не подходил к жизни во дворце, а Бутрус... – Кадар пожал плечами. – Бутрус был создан по образу и подобию отца. Единственное, что под конец нас объединяло, – любовь к лошадям. К сожалению, он придерживался гораздо более высокого мнения о своих талантах наездника, чем было на самом деле. К еще большему сожалению, он был не из тех, кто способен учиться на своем опыте. В конце мне легче было просто отказываться состязаться с ним.

– Но вы ведь не... Боже правый, он погиб не во время состязания с вами?

– Нет. – Его глаза снова блеснули. Кадар смотрел на море.

Констанс ждала, задерживая дыхание, не давая себе говорить, и ее терпение было наконец вознаграждено.

– Ему прислали нового коня. По иронии судьбы, конь стал подарком на свадьбу. Свое-нравный жеребец, которого доставили издалека, хотя сказали, что его растили в конюшне Бхаримы. Жеребец сбросил его. Упав, Бутрус ударился головой о валун и умер на месте – еще до того, как я подскакал к нему.

– Кадар, простите! Мне так жаль. Как ужасно! Ужасно для вас. – Констанс обеими руками взяла его за руку.

Он сидел неподвижно и несколько секунд позволил ей держать себя за руку, а потом высвободился.

– Ужасно для народа Маримона. Бутрус пользовался большой популярностью. Подданные с большой радостью восприняли весть о его помолвке.

Констанс нахмурилась:

– Ваш брат долго пробыл правителем Маримона?

– Семь лет... А что?

– Вы говорите, что он пользовался большой популярностью, и утверждаете, что народ требует от своего правителя жениться, однако ваш брат ждал семь лет, прежде чем нашел себе невесту.

Ей показалось, что Кадар оцепенел – другого слова она подобрать не могла. Что же такое она снова сказала? Когда он заговорил, то от его ледяного тона Констанс вздрогнула.

– Бутрус женился в день своей коронации. Принцесса Тахира должна была стать его второй женой.

– Второй! – Может быть, в этом дело, может быть, он обиделся, потому что она затронула запретную тему полигамии?

– Мой брат был вдовцом, – продолжал Кадар, очевидно, еще способный читать ее мысли, несмотря на застывшее лицо, похожее на маску. – Его первая жена умерла около года назад.

Униженная Констанс глубже зарыла пальцы ног в песок.

– Простите. Как ужасно! Она была молода? Есть у них дети?

– Она была на три года моложе меня. Нет, детей у них не было.

Констанс поняла, что упускает что-то важное. Кадар сжал кулаки и опустил их в песок. Лоб ее разгладился. Все же очевидно!

– Если бы у них был ребенок, вы не стали бы правителем, – негромко произнесла она.

Он покосился на нее исподлобья:

– Она умерла, пытаясь подарить ему наследника. Кто знает, что было бы, если бы она удачно разрешилась от бремени. Однако этому не суждено было случиться.

Бедняжка, подумала Констанс. Ее сердце сжалось. Бедный Кадар! Он единственный в этой печальной истории, кто остался в живых, – и вынужден считаться с последствиями.

– Ваш брат не оставил наследника, зато, так сказать, передал вам свою невесту. Вы поэтому считаете себя обязанным жениться на ней?

Он долго не отвечал, но она уже привыкла к его молчанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.